

меня о прошлых недомоганиях Фроста, поинтересовался, как долго длится наше путешествие. Я ответил насколько мог подробно, упомянув о предыдущем расстройстве желудка у Фроста, точно назвав дату нашего прибытия и настаивая на том, что по нескольким причинам мы должны сегодня же возвратиться в Москву. Откровенно говоря, я думал, что Фрост плохо перенесет изоляцию в этом курортном городе. Врач продолжал многозначительно кивать и повторил, что Фрост, скорее всего, просто переутомился. У него была температура 38,6.

Врач поднялся и, прописав диету и отдых, покинул номер. Я сказал Фросту, что скоро приедет Хрущев.

Снова воцарилась тишина. Пальмовые листья за окнами медленно поднимались и опускались, как опахала. Фрост прикрыл веки. Я начал читать книгу, но не мог сосредоточить внимание даже на одной фразе. Вдруг льняные песочного цвета чехлы на креслах превратились для меня из летней приметы в немые свидетельства недоразумения, из-за которого мы очутились не в той комнате, не в том мире — не гости, а непонятно кто. Минуты ожидания тянулись долго, как дни. Я постоянно выходил в коридор, чтобы взглянуть на настенные часы.

Никто не появлялся. Ничего не происходило. Я вышел посмотреть, не приехал ли Хрущев. Я заметил впереди человека и обратился к нему. Он уставился на меня, сказал, что ничего не знает, и исчез в недрах здания. Больше он не возникал. Я возвратился в гостиницу и вышел на балкон, испытывая странное беспокойство, как будто вступил под кровлю замка с привидениями, хотя повсюду ярко светило солнце. Куда же все подевались?

Идя по балкону, я завернул за угол и вдруг увидел Хрущева и Суркова, которые разговаривали, сидя за столом, Сурков